

берального» курса на Ваше сочувствие? Соответствуют ли истине подобные ссылки, которые мы никак не можем отождествить с хорошо известным нам политическим курсом, представляемым Вами? Все эти вопросы (особенно последний), как Вы знаете, не могут не волновать широкие круги партийной и советской общественности, интересующейся вопросами культурной революции, и мы просили бы Вас дать на них такой же прямой и четкоориентирующий ответ, какой мы привыкли слышать от Вас по другим вопросам.

Члены объединения «Пролетарский Театр»

В. Билль-Белоцерковский (драматург), Е. Любимов-Ланской (режиссер, директор театра им. МГСПС), А. Глебов (драматург), Б. Рейх (режиссер), Ф. Вагграмов (драматург), Б. Вакс (драматург и критик), А. Лацис (теарботник и критик), Эс-Хабиб Вафа (драматург), Н. Семенова (теарботник и критик), Э. Бескин (критик), П. Арский (драматург).

По поручению членов группы:

В. Билль-Белоцерковский, А. Глебов, Б. Рейх

И. В. СТАЛИН

Ответ Билль-Белоцерковскому

<2 февраля 1929 г.>

Т. Билль-Белоцерковский!

Пишу с большим опозданием. Но лучше поздно, чем никогда.

1) Я считаю неправильной самую постановку вопроса о «правых» и «левых» в художественной литературе (а значит, и в театре). Понятие «правое» или «левое» в настоящее время в нашей стране есть понятие партийное, собственно — внутрипартийное. «Правые» или «левые» — это люди, отклоняющиеся в ту или иную сторону от чисто партийной линии. Странно было бы поэтому применять эти понятия к такой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр. Эти понятия могут быть еще применимы к тому или иному партийному (коммунистическому) кружку в художественной литературе. Внутри такого кружка могут быть «правые» и «левые». Но применять их в художественной литературе на нынешнем этапе ее развития, где имеются все и

всякие течения, вплоть до антисоветских и прямо контрреволюционных, — значит поставить вверх дном все понятия. Вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка или даже понятиями «советское», «антисоветское», «революционное», «антиреволюционное» и т. д.

2) Из сказанного следует, что я не могу считать «головановщину» ни «правой», ни «левой» опасностью, — она лежит за пределами партийных течений. «Головановщина» есть явление антисоветского порядка. Из этого, конечно, не следует, что сам Голованов не может исправиться, что он не может освободиться от своих ошибок, что его нужно преследовать и травить даже тогда, когда он готов распроститься со своими ошибками, что его надо заставить таким образом уйти за границу.

Или, например, «Бег» Булгакова, который тоже нельзя считать проявлением ни «левой», ни «правой» опасности. «Бег» есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, — стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. «Бег», в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление.

Впрочем, я бы не имел ничего против постановки «Бега», если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему «честные» Серафимы и всякие приват-доценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою «честность»), что большевики, изгоняя вон этих «честных» сторонников эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно.

3) Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбьи даже «Дни Турбиных» — рыба. Конечно, очень легко «критиковать» и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое легкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем создания могущих ее заменить настоящих, интересных, художественных пьес советского характера. А со-

ревнование — дело большое и серьезное, ибо только в обстановке соревнования можно будет добиться сформирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы.

Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: «если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь», «Дни Турбиных» есть демонстрация всеокрушающей силы большевизма.

Конечно, автор ни в какой мере «не повинен» в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?

4) Верно, что т. Свидерский сплошь и рядом допускает самые невероятные ошибки и искривления. Но верно также и то, что Репертком в своей работе допускает не меньше ошибок, хотя и в другую сторону. Вспомните «Багровый остров», «Заговор равных» и тому подобную макулатуру, почему-то охотно пропускаемую для действительно буржуазного Камерного театра.

5) Что касается «слухов» о «либерализме», то давайте лучше не говорить об этом, — предоставьте заниматься «слухами» московским купчихам.

И. СТАЛИН

Письмо И. В. СТАЛИНА

Писателям-коммунистам из РАППа

<28 февраля 1929 г.>

Уважаемые тов[арищи]!

1) Вы недовольны, что я в разговоре с т. Авербахом защищал т. Б[илля]-Белоцерковского от нападок журнала «На Литпосту». Да, я действительно защищал т. Б[илля]-Белоцерковского. Защищал, т. к. нападки на т. Б[илля]-Белоцерковского, изложенные в «На Литпосту», несправедливы в основном и недопустимы. Пусть «На Литпосту» ищет себе наивных людей где угодно — серьезный читатель никогда не поверит ему, что т. Б[илль]-Белоцерковский, автор «Шторма», «Голоса недр»,